
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. В. БОГДАНОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧААДАЕВ

Одной из самых загадочных фигур в истории отечественной мысли, несомненно, является Петр Яковлевич Чаадаев. Эта «загадочность» проявляется в самых различных и порою неожиданных формах: незаконченность, незавершенность многих его концепций и идей; неясность, амбивалентность, «непоследовательность» его мыслей, которым он придавал к тому же нарочито парадоксальный характер. Станный и, по-видимому, необъяснимый характер эволюции его взглядов; непонимание «до конца» сущности его историко-философской системы не только оппонентами, но и «союзниками», не только потомками, но и современниками. Неразгаданность самой личности Чаадаева, глубинного характера его натуры; невозможность «вписать» его однозначно в русло какой-нибудь философской, социологической, исторической, политической системы. До сих пор нам о Чаадаеве больше неизвестно, чем известно. До сих пор не затихают споры о сущности его учения; до сих пор большинство интерпретаторов творчества Чаадаева в своем стремлении к определенности и «истинному» Чаадаеву так или иначе искажают его взгляды. Самый «оригинальный» выход из подобной ситуации нашел в свое время русский царь: после публикации лишь первого из знаменитых «Философических писем» Чаадаева он, ничтоже сумняшеся, просто высочайше объявил его сумасшедшим! И что, пожалуй, самое интересное, – Чаадаев принял предложенные ему свыше «правила игры», не без видимого удовольствия называл себя «блестящим безумцем» и написал не менее знаменитую «Апологию сумасшедшего».

Объединяет всех, так или иначе соприкасающихся с творчеством Чаадаева вне зависимости от самых разных оценочных сужде-

ний о нем, пожалуй, только одно: в глубине души считать «басманного философа» великим мыслителем.

Так, может быть, оставаться непонятым – просто удел всех великих людей?! И бесполезно в очередной раз ломать копья, пытаться разгадать тайну, которую Чаадаев унес с собой в могилу?!

Но все же, наверное, мы остаемся людьми только до тех пор, пока пытаемся решить вечные проблемы, пока мужественно идем на приступы всех тайн, боремся за истину. Иначе человек деградирует, прекратится поступательное его шествие в будущее, прервется великая историческая традиция, на гибельные последствия чего так часто указывал Чаадаев.

Так кто же Вы, Чаадаев?!

Тема, поднятая нами, не только важная и интересная, но также и новая, чрезвычайно многосторонняя. Мы в этой статье сможем затронуть кратко лишь некоторые ее аспекты, сосредоточив внимание, в частности, на двух моментах. Первый: развеять хотя бы часть недоразумений, связанных с так называемыми «недостатками» и «ошибками» Чаадаева, кочующими по страницам большинства исследований о нем и, естественно, искажающими его взгляды и личность. Второй: восстановить некоторые атрибутивные качества его мировоззрения, представляющиеся нам весьма положительными, объективными; отметить те его достижения, которые, на наш взгляд, являются и ныне перспективными, актуальными и не могут быть преданы забвению, но, наоборот, должны всячески учитываться, разрабатываться. Ибо именно Чаадаеву во многом обязаны современная философия, социология, политология, религиоведение, историческая наука, социальная психология и др.

Приведем лишь небольшую часть примеров того, какие «недостатки» и «ошибки» находит в творчестве Чаадаева большинство исследователей.

Так, в популярной в советские времена книге А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «Русская философия XI–XIX вв.» (популярной отчасти и потому, что других книг по русской философии почти не было; фундаментальные исследования по истории русской философии, к примеру, Лосского, Зеньковского, Бердяева были попросту запрещены) находим следующие утверждения о Чаадаеве: «выпады против материализма»; «защищает объективно

идеалистическую точку зрения, во многом совпадающую с шеллингианством»; «диалектические идеи Чаадаева носили еще характер разрозненных высказываний, понимались им идеалистически, но тем не менее в известной мере способствовали утверждению диалектического взгляда в русской философии»; «Роль Чаадаева в истории русской общественно-политической и философской мысли противоречива... Чаадаев пропагандировал религиозно-идеалистические взгляды в социологии и философии»; Чаадаев ориентировался «на западный мир как образец для России»¹. Здесь глубокую, справедливую, развернутую, конструктивную критику материалистической философии Чаадаевым авторы считают просто «выпадами»; идеализм Чаадаева представляется им, естественно, чем-то ужасным и негативным; оригинальную, ни с чем не сравнимую новаторскую систему Чаадаева они совершенно бесосновательно считают подражательной, «совпадающей» с шеллингианством (хотя сам Шеллинг, по воспоминаниям современников, гордился своей дружбой с Чаадаевым, считал его великим мыслителем в противоположность, скажем, Гегелю!), хотя сам Чаадаев писал Шеллингу: «Мне часто доводилось приходиться в конце концов не туда, куда приходили вы»²; что касается сомнительной похвалы Чаадаева как «диалектика», пусть и в идеалистической форме, но все же «пропагандировавшего» диалектику в России, то нужно сказать, что Чаадаев не был сторонником диалектики как детища классического западноевропейского рационализма, подвергая ее серьезной критике. Он выдвигал свои идеи «параллелизма», «тождества», «амбивалентности», «высшего разума» и др. Не соответствует истине утверждение о том, что Чаадаев ориентировался на западный мир как «образец»: Чаадаев никогда «западником» не был, хотя он и считается основоположником «западничества», но его грандиозная система имела глубинный смысл в качестве «русской идеи» всечеловеческого единения на основе Веры, Духовности, Справедливости.

К. Фараджев пишет о «лицемерии» Чаадаева (ссылаясь на неизвестно какие «свидетельства» «некоторых философов»), о том, что он якобы «отчаянно сожалел» о публикации первого «Философи-

¹ Галактионов, А. А., Никандров, П. Ф. Русская философия XI–XIX вв. – Л., 1970. – С. 209, 210.

² Сочинения и письма П. Я. Чаадаева: в 2 т. – М., 1914. – Т. 2. – С. 183.

ческого письма» (чего в действительности никогда не было), что вообще со временем «критический настрой» его «несколько угас» (что также не соответствует истине). Правда, вывод автора нам представляется объективным и верным: «Несмотря на запрещение печатать свои труды, Чаадаев пользовался огромным уважением интеллектуальной элиты и оказал мощное влияние на развитие русской философии»³. Надо сказать, что к аналогичному выводу гораздо раньше пришел Н. А. Бердяев, сказав более емко и определенно: Чаадаев стал основателем и олицетворял собою основное содержание великой отечественной философской традиции.

Не претендуя на исчерпываемость и строгую «иерархичность», можно представить перечень «недостатков» и «ошибок» Чаадаева, присутствующих во многих работах о нем, примерно следующим образом:

– Чаадаев по меньшей мере весьма скептически оценивает современное состояние России, русского общества, национальное самосознание, и еще более негативно представляет их прошлое, историю, в которых отсутствует национальная идея, объединяющая историческая традиция. Ближайшее будущее России тоже по меньшей мере неясно, но, скорее всего, не сулит ничего положительного. Россия значительно отстала в своем развитии от своих западных соседей. Одним словом, отрицательная оценка России Чаадаевым, как кажется многим авторам, не требует особых доказательств, – и налицо, пожалуй, самое страшное: нелюбовь Чаадаева к своей родине, к своему народу, непатриотизм;

– Чаадаев считает Западную Европу образцом для подражания со стороны России; единственно возможный для нее путь спасения – объединение с Европой, частью которой она географически и исторически является, на основе общих христианских ценностей и идеалов. Стало быть, Чаадаев – безоговорочный и абсолютный «западник», противостоящий истинным русским патриотам, славянофилам;

– Чаадаев превозносит, идеализирует западную католическую церковь, которая обусловила порядок, единство, процветание Европы, и, соответственно, принижает и оценивает в целом негативно

³ См.: Фараджев, К. В. Русская религиозная философия. – М., 2002. – С. 40–47.

роль отечественной православной церкви. Чаадаев – ревностный католик, демонстративно отказывающийся от своих национально-православных корней;

– Чаадаев обнаруживает свое негативное отношение к византийским корням русского православного христианства, считая этот источник «нечистым»;

– Чаадаев отрицает самобытность, особенность русского исторического пути, Россия должна следовать тем же общественно-историческим законам, что и Запад, и должна пройти те же, что и Запад, этапы и фазисы своего экономического, политического, духовного развития;

– в своей необоснованной и огульной критике отечественной истории и современности Чаадаев переходит все границы, абсолютизирует имеющиеся в России «минусы», сам ставит себя вне русской истории и вне русского общества, обрекая себя на всеобщее осуждение и одиночество;

– Чаадаев не нашел «общего языка» даже со своим другом Пушкиным, который не принял его идей и резко полемизировал с ним;

– Чаадаев – «высококолый» сноб, гордец и эгоист, выскочка, задавшийся целью шокировать общественное мнение и вывести его из равновесия, чем наносит явный вред своей стране. К тому же он – масон, что свидетельствует опять же не в его пользу;

– как философ он абсолютно не вписывается в историю русской философии, и если и оказывает на нее какое-то влияние, то чисто негативное. К тому же как философ он явно склонен к плагиату и эклектике; в его философской системе нет глубины и оригинальности, она вся есть подражание Шеллингу, Шатобриану, де Местру и другим европейским философам и мистикам;

– изложение Чаадаевым своих философских идей и взглядов страдает такими негативными чертами, как неясность, непонятность, непоследовательность, противоречивость, недоговоренность, парадоксальность и др.;

– странности в поведении и взглядах Чаадаева заставляют серьезно усомниться в его духовном, нравственном, психическом здравии; так что официальное «высочайшее» объявление его «сумасшедшим» и запрет в дальнейшем издавать свои труды не так уж чудовищны и нелепы.

Вот, пожалуй, наиболее типичные, стандартные «обвинения» в адрес Чаадаева, к которым многие современные исследователи, по сути, не добавили ничего нового, не пытаясь даже не то что «оправдать» опального мыслителя, но просто оставаться в некоторых рамках объективности адекватного анализа.

Прежде чем выдвинуть свои «контраргументы» и соображения, представим, тоже по необходимости очень кратко, слово некоторым авторам, у которых оценки Чаадаева существенно другие, – несравненно более адекватные, глубокие, объективные.

Вот несколько примеров из работ великих русских мыслителей XX в.

В. В. Зеньковский в большой работе «История русской философии», изданной в Париже в 1948 г., писал: «В одиночестве Чаадаев размышлял все на те же темы – не только историософские, но и общеполитические... В его мировоззрении, особенно во взгляде его на Россию, постепенно пробивались новые черты, хотя основные идеи оставались по-прежнему неизменными в сознании Чаадаева»; «Из “Философических писем” Чаадаева видно, что новую философию он изучил очень внимательно. Особенно надо отметить влияние Шеллинга на Чаадаева... заметим, что если у Чаадаева мало выступает влияние Шеллинга в содержании его учения, то совершенно бесспорно **вдохновляющее** действие Шеллинга (системы “тождества”»); «Обычно при изложении учения Чаадаева на первый план выдвигают его оценку России в ее прошлом. Это, конечно, самое известное и, может быть, наиболее яркое и острое из всего, что писал Чаадаев, но его взгляд на Россию **совсем не стоит в центре его учения**, а, наоборот, является логическим выводом из общих его идей в философии христианства. Сосредоточение внимания на скептическом взгляде Чаадаева на Россию не только не уясняет нам его мировоззрение, но, наоборот, мешает его правильному пониманию. С другой стороны, и сам Чаадаев, избравший форму **писем** для изложения своих взглядов, затруднил для читателя уяснение его системы, – ее приходится реконструировать... На наш взгляд, войти в систему Чаадаева можно, лишь поставив в центре всего его **религиозную** установку, – в его религиозных переживаниях – ключ ко всем его взглядам... Флоровский считает, ... что он – “идеолог, не церковник”... Сам Чаадаев ...писал: “Я, благо-

дарение Богу, не богослов и не законник, а просто христианский философ”... Чаадаев считал, что его религия “не совпадает с религией богословов”, и даже называл свой религиозный мир “религией будущего”»; «Чаадаев отводит именно “высшему сознанию” главное место... приходит к формуле... о “соборной природе человеческого сознания”... поврежденность человека... выражается в ложном обособлении его от “всемирного существа” (то есть **от мира как целое**), ведет к “отрыву от природы”, создает иллюзию отдельности так называемого личного бытия, строит насквозь ложную идеологию индивидуализма»; «Защита папизма всецело опирается у Чаадаева на то, что он “централизует” (для истории) христианские идеи, что он – “видимый знак единства, а, вместе с тем, и символ воссоединения”»; «Горячие и страстные обличения России у Чаадаева имеют **много корней**, – в них нет какой-либо одной руководящей идеи. Во всяком случае, Чаадаев не смог включить Россию в ту схему провиденциализма, какую навевала история Запада. Чаадаев откровенно признает какой-то странный **ущерб в самой идее провиденциализма**: “Провидение... **исключило** нас из своего благодетельного действия на человеческий разум, ...**всецело предоставив нас самим себе**”... Чаадаев усматривает действие Промысла даже на народах, стоящих вне христианства. Как же понимать то, что говорит Чаадаев о России, что “Провидение как бы отказалось вмешиваться в наши (русские) дела”? Слова “как бы” ясно показывают, что Чаадаев хорошо понимал, что что-то в его рассуждениях о России остается загадочным. Разве народы могут отойти от Промысла?.. Но у Чаадаева есть... поправка к загадке России, к неувязке в системе провиденциализма. Русская отсталость (“незатронутость всемирным воспитанием человечества”) не является ли **тоже провиденциальной**? Но в таком случае русская отсталость не может быть поставлена нам в упрек, но **таит в себе какой-то высший смысл**... В 1835 г. ...Чаадаев пишет Тургеневу: “Вы знаете, что я держусь взгляда, что Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача – дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. **Поставленная вне стремительного движения**, которое там (в Европе) уносит умы, ...она **получила в удел** задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки”. Этими словами не только намечается прови-

денциальный “удел” России, но и лишаются своего значения упреки, выставленные в “Филос. письмах” России... он пишет: “Россия, если только она **уразумет свое призвание**, должна взять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы”. Замечательно, что здесь уже у России оказывается особое призвание, и, следовательно, она не находится вне Промысла. “Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами. Оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам **интересы человечества**”». В последних словах Чаадаев усваивает России высокую миссию “всечеловеческого дела”. “Мы призваны обучить Европу множеству вещей, **которых ей не понять без этого... это мое глубокое убеждение**. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы... таков будет логический результат нашего долгого одиночества... наша **вселенская миссия** уже началась”»; «“Я любил свою страну по-своему (писано в 1846 году, через десять лет после осуждения Чаадаева), – пишет он, – и прослыть за ненавистника России мне тяжелее, чем я могу Вам выразить”, – но как ни “прекрасна любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – любовь к истине. **Не через родину, а через истину ведет путь на небо**”. Это твердое и убежденное устремление к истине, а через нее – к небу, лучше всего характеризует основной духовный настрой Чаадаева»; «Вся значительность (для русской мысли) построений Чаадаева в том и состоит, что целый ряд крупных мыслителей России возвращается к темам Чаадаева...»⁴

Мы просим прощения у читателя за относительно обширное цитирование; но нас извиняет, пожалуй, то, что мы взяли для примера фундаментальный, классический труд по истории русской философии, равного которому у нас не было и нет, где известным русским мыслителем основательно анализируются и оцениваются жизнь и творчество, личность и идеи Чаадаева. Дальнейшие же примеры нам придется сократить до самого возможного минимума. А сейчас – несколько комментариев к процитированному, имеющих для нашей темы принципиальное значение.

⁴ Зеньковский, В. В. История русской философии. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 164, 166, 167, 168, 175, 179, 180, 181–182, 184.

Зеньковский подчеркивает важнейший момент: цельность Чаадаева как личности и как выдающегося мыслителя, создателя единой философской системы. Чаадаев, естественно, как творческая личность не «стоял на месте», изменялся, развивался, открывал новые стороны своих изысканий, но главные, фундаментальные его идеи оставались «незыблемыми». Именно такие качества и должны отличать истинно великого мыслителя. Что касается «влияния» на него ряда выдающихся западных философов или даже «подражания» им, то здесь, как совершенно убедительно показывает Зеньковский, имело место обычное и естественное для всех мыслителей одной эпохи, никогда не развивающихся в изоляции друг от друга, взаимовосприятие, взаимодействие идей. Если же брать конкретно Шеллинга, на «подражании» которому Чаадаева особенно настаивают многие «чаадаеведы», то здесь можно говорить не о сходстве или тождественности чаадаевских взглядов шеллингианским, а о «вдохновляющем» действии на Чаадаева Шеллинга. Далее, своеобразные религиозные воззрения всегда были в центре убеждений Чаадаева, основой его философских построений, но он не был «теологом», «богословом», «церковником». Он был «христианским философом», отстаивающим превалирующее значение во всем «высшего разума», идею «соборной природы» русского общественного сознания, в корне отличного от индивидуализма и национального эгоизма. И католицизму, «папизму» Чаадаев симпатизировал потому, что они для него были символом и инициаторами объединения, всеединства, что явилось провозвестничеством великой «русской идеи», развиваемой впоследствии, после Чаадаева, но в русле его устремлений, Соловьевым, Достоевским, Бердяевым и другими великими нашими мыслителями. И, наконец, самое главное. Зеньковский совершенно справедливо указывал, что в «скептических» взглядах Чаадаева на историческое прошлое России, на которые особенно ополчились его критики, видя в них некую чудовищную «экстравагантность», «непатриотизм», оскорбление национального чувства, действительно не все сказано Чаадаевым с исчерпывающей ясностью и полнотой. Остается некая «загадка», остаются некоторые вопросы, которые мало кому удалось разрешить адекватно и объективно во всей их сложности и глубине. Дело в том, что Божеское Провидение, которое никогда не может

быть постигнуто человеком окончательно, во всей глубине, и которое «как бы» оставило без внимания и своего участия русскую историю и русский народ, обусловив их временное отставание от Запада, на самом деле «никуда не девалось», давая «в удел» России выполнение великой всемирно-исторической миссии в «общечеловеческом деле» объединения, всеединства в разрешении всех тех важнейших, в том числе и социальных, вопросов, над которыми бьется и не в силах их решить Европа. Русский народ слишком велик, чтобы решать только «узконациональные» вопросы. Его «удел» – решать общечеловеческие проблемы, к чему его Провидение и готовило всю предшествующую историю. Поэтому «отставание» России есть явление относительное и временное. Это в определенном смысле есть не «недостаток», а преимущество России, не минус, а плюс. По этой причине, в частности, смехотворными и нелепыми выглядят обиды на Чаадаева за его «скепсис» в отношении России или обвинения его в «непатриотизме». Просто понять не только разумом, но и сердцем великую мысль Чаадаева, что «путь к небу» лежит через истину, а не через родину, дано было немногим: кто-то не мог этого понять в силу разных причин, а кто-то и просто не хотел. Ну а общий вывод Зеньковского, с которым солидаризировались, по сути, все наши представители зарубежья: Чаадаев является основоположником великой отечественной философской традиции; все наши крупные мыслители «возвращаются к темам» своего великого предшественника, что и позволяет нам двигаться вперед.

Зеньковский наглядно продемонстрировал всем, в том числе и критикам Чаадаева, *как* надо подходить к творческому наследию Чаадаева, *как* надо его осваивать в интересах не только России, но и всего человечества, *в чем* заключаются его великие заслуги и открытия.

Много и очень глубоко писал о Чаадаеве Н. А. Бердяев. В частности, в своей работе «Русская идея» он подчеркивал: «Вся наша философия истории будет ответом на вопросы в письме Чаадаева... Он ищет Царства Божьего на земле. Он передаст эту тему Вл. Соловьеву, на которого имел несомненное влияние... Ошибочно думать, что Чаадаев перешел в католичество, как это неверно и относительно Вл. Соловьева. Но он был потрясен и пленен универса-

лизмом католичества и его активной ролью в истории. Православие представлялось ему слишком пассивным и не историчным... Чаадаев мыслитель самостоятельный, он не повторяет западные идеи, он их творчески перерабатывает. Разочарование Чаадаева в России и разочарование Герцена в Западе – основные факты для русской темы XIX в. ...Русское самосознание должно было пройти через это горькое самоотрицание, это был диалектический момент в развитии русской идеи. И сам Чаадаев в “Апологии сумасшедшего” придет к утверждению великой миссии России. Чаадаев думал, что силы русского народа не были актуализированы в его истории, они остались как бы в потенциальном состоянии. Это он думал и тогда, когда взбунтовался против русской истории... Неактуализированность сил русского народа в прошлом, отсутствие величия в его истории делают для Чаадаева залогом возможности великого будущего. И тут он высказывает некоторые основные мысли для всей русской мысли XIX в. В России есть преимущество девственности почвы. Ее отсталость дает возможность выбора. Скрытые потенциальные силы могут себя обнаружить в будущем»⁵. Никто, пожалуй, так глубоко и адекватно не постиг Чаадаева, как Бердяев. Его оценки приобретают классически четкий вид: ни о каких «ошибках» или «недостатках» Чаадаева не может быть и речи. Речь может идти только о непонимании его сложных идей современниками или потомками; вся наша философия рождена, по сути, проблемами, поставленными Чаадаевым; для Бердяева есть три «столпа» в истории русской философии: Чаадаев, Соловьев, Достоевский; никаким католиком Чаадаев не был, также как не был он и простым «передатчиком» западных идей. Он был великим национальным мыслителем-патриотом, самостоятельным и оригинальным; его «бунт» против русской истории, «горькое самоотрицание» были необходимым моментом в диалектическом развитии «русской идеи» как идеи христианской; критика им русской православной церкви за пассивность, «неисторичность», за фактическое оправдание крепостнического рабства, была тоже «горькой», но справедливой.

Западничество Чаадаева не абсолютно и не является самоцелью. Запад, католичество привлекают его только с точки зрения

⁵ Бердяев, Н. А. Русская идея. Судьба России. – М., 1997. – С. 32, 33.

олицетворения великой идеи единства, синтеза, активной включенности в единый исторический процесс: «На Западе есть единство!» С тех пор как эти слова вспыхнули в сознании Чаадаева, он уже не принадлежал себе и навеки оторвался от «домашних» людей и интересов.

Философия Чаадаева носит новаторский характер, она нова, необычна, оригинальна, самобытна и по форме, и по содержанию. Чаадаев, намного опередив свое время, открыл новые формы, методы, содержание философствования. «Разорванность», «отрывочность», «незаконченность» произведений и мыслей Чаадаева, «пустоты» между ними сегодня вроде бы общеизвестны. Но далеко не все отдают себе отчет в сущности этого факта. А ведь это – новая философия и формы этого нового философствования, которые роднят Чаадаева уже не с Западом, а с философской нерационалистической традицией Востока. В конце XIX и в XX в. эта форма станет весьма популярной: Шопенгауэр, Ницше, Розанов, Валери, Хайдеггер и др.

Чаадаев несколько не боготворил и не идеализировал Запад, как казалось многим его современникам и нынешним «западникам». Он открыл «свой» Запад, символ которого помогал ему напряженно думать и глубоко молчать о самом главном, о России.

Нельзя не коснуться и еще одного факта творческой биографии Чаадаева, который практически не воспринят адекватно и вовсе искажается в «чаадаевоведении». Мы имеем в виду дружбу Чаадаева и Пушкина. Пушкин гордился этой дружбой, посвятив своему другу ряд лучших и возвышенных поэтических строк. Мнения друг друга они очень ценили и бесконечно ими дорожили. Обменивались они мнениями и по поводу историософских воззрений Чаадаева. Чаадаев послал Пушкину и свое первое, самое знаменитое и наиболее известное современникам, «Философическое письмо», с нетерпением ожидая отзыва на него поэта. Так вот, из этого факта возник один из самых распространенных мифов о горячей «полемике» между Пушкиным и Чаадаевым, о том, что Пушкин, мол, решительно был несогласен с основными идеями Чаадаева и резко критиковал последнего. Конечно, эта тема «со-творчества» русских гениев ввиду ее значимости, принципиальности заслуживает особого, глубокого, всестороннего рассмотрения, которого,

как это ни странно, не было до сих пор в нашей литературе. Но мы все же рискнем сказать по этому поводу хотя бы несколько слов.

Хрестоматийно известны замечательные поэтические строки Пушкина, посвященные Чаадаеву:

Он высшей волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарской.

Пушкин со свойственной ему интуицией, с его поистине энциклопедическими познаниями в области культуры, истории «народознания», с его философской поэзией вполне был в состоянии «квалифицированно» оценить философско-исторические изыскания Чаадаева, отнесся к просьбе друга высказать свое мнение очень ответственно, отдавая себе отчет в том, что Чаадаев – великий и по европейским меркам мыслитель. Нет никаких оснований даже предполагать, что его суждения о сложнейшей философской системе Чаадаева могли быть дилетантскими. Чаадаев тоже «знал цену» своему другу и ждал от него глубоких, «квалифицированных» суждений.

Нам, к сожалению, известна далеко не вся переписка Чаадаева и Пушкина, но даже те буквально несколько писем, которые дошли до нас, позволяют с достаточной определенностью судить о сути, содержании и характере обсуждения (именно обсуждения, а совсем не «полемики», «дискуссии», «спора», как ни пытается нас кое-кто в том уверить) двумя великими – наверное, самыми великими! – русскими умами историософской концепции Чаадаева о судьбах России.

Нас, естественно, прежде всего интересует содержание пушкинского ответа с анализом воззрений Чаадаева на отечественную историю, изложенных в первом «Философическом письме». 19 октября 1836 г. Пушкин пишет в письме Чаадаеву, что «с удовольствием» прочитал работу друга и отметил вначале моменты, в которых он «не во всем согласен» и по поводу которых он хотел бы с ним «поспорить». Собственно говоря, таких «спорных» моментов Пушкин обнаруживает только два. Первый касается объективного факта разъединенности России и Европы, причин и последствий

этого прискорбного факта; второй – оценки исторического прошлого России. Сам факт разъединенности России и Запада Чаадаев использовал как один из отправных пунктов своих историсофских рассуждений и «скептических» выводов, в частности относительно отсутствия в России объединяющей национальной идеи, национальной традиции, преобразующего, активного, религиозного начала и инициативной церкви, и Пушкин с самим этим фактом, естественно, был согласен. Но дальше начинается самое важное и интересное: Пушкин пишет о «положительных» последствиях обозначенного разъединения, в результате которого России выпало высокое «предназначение» по спасению Европы от губительного нашествия татаро-монгольских орд; Чаадаев же, разъясняя и развивая свои взгляды, подчеркивал, что Провидение, определив отставание и «одинокость» России, как бы готовило ее к роли спасителя Европы, обусловило ее великую, общечеловеческую, мессианскую роль по объединению человечества (мы об этом говорили выше). То есть выходит, что Пушкин и Чаадаев вовсе не «спорили» друг с другом, а взаимно дополняли друг друга в существенных аспектах, имея в виду практически одно и то же! Более того, за год до упомянутого письма, в 1835 г., Пушкин писал буквально в «Заметках при чтении “Путевых картин” Гейне»: **«Освобождение Европы придет из России!»** Да ведь это и есть философско-историческое «крело» Чаадаева! Какие уж тут могут быть споры и разногласия?!

Второй «спорный» момент, о котором мы упомянули, содержит «несогласие» Пушкина с утверждением «нашей исторической ничтожности». Пушкин вспоминает некоторые великие исторические страницы России: войны, усобицы, татарское нашествие, деятельность Петра Великого, Александра I и др. и задает своему адресату знаменательный вопрос: «...разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?»⁶ Но, во-первых, Чаадаев, при всей своей «критичности» и «преувеличениях», о которых он и сам открыто сожалел, используя их как своеобразные и необходимые методы пробудить Россию от «спячки», которые явно отступают и меркнут

⁶ Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. – М., 1991. – Т. 2. – С. 461.

перед грандиозностью поставленной им конечной задачи, все же никогда в дошедших до нас работах не употреблял термина «ничтожество». И опять же дело не в словах. Главное в том, что Чаадаев, будучи великим патриотом, никогда не позволял себе усомниться в прошлом, настоящем и будущем величии России и русского народа. Ведь последнее проявлялось в разных «формах» – и в «величественных» исторических событиях, и в рождении великих сынов страны. «Может быть, – делает Чаадаев знаменательное признание, – преувеличением было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина!»⁷

Так что «разногласия» между взглядами Чаадаева и Пушкина, если они и имели место, носили, можно сказать, частный, непринципиальный характер, относясь скорее к форме, нежели к содержанию и сути. А общий вывод, к которому приходит Пушкин в своих посланиях Чаадаеву, не оставляет сомнений, что перед нами – два союзника, два единомышленника: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили»⁸. Мало того, что Пушкин «как в воду глядел», предупреждая своего друга о возможных гонениях со стороны властей, но он кое в чем даже дополняет, «усиливает» идеи Чаадаева. Так, в черновике письма к Чаадаеву сохранились знаменательнейшие слова: «Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам... ну и прекрасно, но не следовало этого говорить!»⁹ Пушкин, зная, как и Чаадаев, в какой стране им приходится жить, просто старался быть более осмотрительным и осторожным, справедливо опасаясь за слишком «смелые» высказывания. Суть

⁷ Цит. по: Волков, Г. Н. Три лика культуры. – М., 1986. – С. 143.

⁸ Чаадаев, П. Я. Указ. соч. – С. 461.

⁹ Там же. – С. 465.

же воззрений и Пушкина, и Чаадаева на историческое прошлое России была идентичной. Вот и еще одно ярчайшее тому подтверждение: еще в 1834 г., за два года до публикации «Философического письма», в статье «О ничтожестве литературы русской» поэт высказывает мысли в выражениях и словах, почти буквально повторяющих формулировки Чаадаева: «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера...»¹⁰ Можно, наверное, сказать, что «разница» между принципиальными идеями Пушкина и Чаадаева – не «качественная», но чисто «количественная», заключенная в нюансах, мере «решительных» выражений.

Пришло время и нам подвести некоторые итоги.

Так кто же Вы, Чаадаев?! Друг и наставник Пушкина, своего единомышленника. Великий русский мыслитель, первый наш философ мирового масштаба, основатель отечественной философской традиции, заложивший основы философии будущего или будущей философии.

Великий патриот своей родины, у которого «болит Россия», который нашел в себе личное мужество, переживая только за народное благополучие, сказать народу горькие слова правды.

«Всечеловек» (к нему вполне подходит это определение, данное много позже Достоевским Пушкину), апостол объединения Востока и Запада, гениальный «разработчик» «русской идеи», адепт «высшего разума», веры, духовности.

Великий провидец, пророк, многие идеи которого, непонятые на протяжении полутора столетий, сегодня подтверждают свою истинность, актуальность (например, провидение им процессов глобализации).

Вместе с Пушкиным Чаадаев заложил благотворные основы народознания, столь необходимого нам ныне в сложный переход-

¹⁰ Чаадаев, П. Я. Указ. соч. – С. 463.

ный период кризисов, катаклизмов, опасностей, нависающих над русским народом при выполнении им своей великой всемирно-исторической миссии.

Конечно, Чаадаев унес с собой какую-то великую тайну, и мы теперь должны постепенно суметь разгадать ее.

Перефразируя известные слова А. Григорьева о Пушкине: «Пушкин – это наше Все!», можно сказать, что «Чаадаев – наше философское Все!».